

«УТВЕРЖДАЮ»

Ректор

ФГБОУ ВО «Московский педагогический
государственный университет»,

д.и. н. проф. А.В. Лубков,

" 29 " 11 2016 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации – Московского педагогического государственного университета – на диссертационную работу Чаглыян Шакар Кюбра «РОМАН Б.Л.ПАСТЕРНАКА «ДОКТОР ЖИВАГО» И ПРОБЛЕМА МОСКОВСКОГО ТЕКСТА», представленную на соискание учёной степени кандидата филологических наук по специальностям 10.01.01 – русская литература.

Актуальность темы выполненной работы.

Научный интерес к творчеству Б.Л. Пастернака, к его вершинному роману «Доктор Живаго» в современной гуманитаристике не ослабевает, несмотря на наличие множества филологических, биографических, исторических исследований. Следует специально отметить, что автору работы удалось найти новый и актуальный ракурс изучения романа – рассмотреть пастернаковское произведение в контексте мифопоэтической методологии «городского текста», в данном случае – проследить особенности создания «московского текста» в романе «Доктор Живаго». Мы совершенно согласны с предложенной автором работы формулировкой: действительно, само по себе выделение топоса «московского текста» (а также других региональных разновидностей городских текстов) представляется достаточно проблематичным на фоне наиболее репрезентативно описанного в науке «петербургского текста» русской литературы. Именно «петербургский текст» обладает наиболее четко проанализированными и воспроизводимыми мифопоэтическими характеристиками, узнаваемой символикой, хрестоматийными персонажами; его становление и эволюция в общих чертах отражает историю русской литературы более чем двух столетий.

В этом отношении мы разделяем точку зрения автора работы: «московский текст» – состоявшаяся культурная универсалия, мифопоэтический комплекс, который последовательно прослеживается в отечественной словесности XIX-XX веков (А.С. Грибоедов, А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой, М.И. Пыляев, М.И. Цветаева, С.А. Есенин, О.Э. Мандельштам, И.А. Бунин, И.С. Шмелев, Б.А. Пильняк, М.А. Булгаков, А.П. Платонов, Л.М. Леонов, Ю.П. Трифонов, А.И. Солженицын, Б.Ш. Окуджава и др.), и даже – начала XXI века (В.В. Орлов, В.О. Пелевин, Р.В. Сенчин, А.М. Терехов и др.). В частности, специальное исследование «московского текста» в русской литературе XIX-XXI века было предпринято коллективом

ученых кафедры русской литературы Московского педагогического государственного университета (Москва литературная. Новейшая московская одиссея, М.: МПГУ, 2015.) Более того, для современной гуманитаристики характерно стремление к выявлению и изучению и других локальных текстов, которые раскрывают мифологию провинции и способствуют исследованию национального своеобразия культуры российских регионов («уральский (екатеринбургский, пермский) текст», «орловский текст», «крымский текст» и др.)

Соответственно, обращение автора работы к анализу пастернаковских вариаций на тему «московского текста» отвечает ведущим исследовательским поискам и научным тенденциям современного отечественного литературоведения. В диссертации определяются ключевые для романа топонимы, выявляются их метафорические и сюжетные функции, связь с библейскими и фольклорными мифологемами грешного города Вавилон и святого града Китежа, прослеживаются символические антитезы, характерные для пастернаковского восприятия Москвы (лед и пламень, снег и огонь, зима и летняя духота), уточняются функции и способы создания мифопоэтического образа Москвы как одного из структурообразующих элементов романа. Эти наблюдения и выводы указывают, что диссертационное исследование Чаглыян Шакар Кюбра обладает научной актуальностью и практической значимостью для изучения русской литературы XX века.

Наиболее существенные научные результаты, содержащиеся в диссертации.

Структура диссертации представляется нам адекватной избранной цели и задачами исследования. Работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы, использованной при разработке проблемы (308 наименований).

Конкретный материал для исследования составил роман Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго», а также различные литературные интерпретации «московского текста».

Методологическая база исследования отвечает требованиям междисциплинарности: автором продуктивно применяются сравнительно-исторический, мифопоэтический и структурно-семантический подходы к изучению литературного текста.

Во **введении** Чаглыян Шакар Кюбра обосновывает актуальность, научную новизну и перспективы практического применения наблюдений и выводов исследования, формулирует цель и задачи работы, положения, выносимые на защиту. Отметим, что положения, выносимые на защиту, в максимально сконцентрированной форме отражают основные идеи и открытия автора диссертации.

В **первой главе** исследования «Московские главы в контексте романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» прослежена история литературоведческой рецепции Петербургского и Московского текстов в

русской культуре и на ее основе раскрыта символическая топонимика Московского текста в романе. В работе теоретическая часть не выделена в отдельную главу, но, с нашей точки зрения, такое структурное решение оправдывается общей композицией работы, в которой фактически детально отрефлексированы научно-методологические базы трехосновных направлений исследования: городского текста, мифопоэтики и пастернаковедения. Мы понимаем логику автора диссертации, не ставшего объединять эти три разнородных компонента в единую главу, но подробно рассмотревшего все научно-методологические аспекты в контексте обоснования и доказательства научной гипотезы исследования.

Обозначая научные традиции изучения городского текста, автор работы обращается к опыту Н.П. Анцифирова, В.Н. Топорова, Ю.М. Лотмана и других, а также обобщает многочисленные современные исследования, посвященные проблеме Московского текста: «В работах исследователей Московского текста воссоздано основное смысловое поле московского мифа, дающее представление о Москве как о городе, выросшем естественным путем, живущем согласно естественным природным ритмам, как о пространстве, где царит атмосфера семейственности, уюта, доброжелательности, где существует органическая связь между природой и цивилизацией. Другими словами, Москва выступает как квинтэссенция русского национального уклада.

Исследователи обращают внимание на то, что идиллические стороны московской жизни могут проявлять свою оборотную сторону: патриархальность может переходить в консерватизм, подчиненность природным ритмам в рутинность и т.д. Бинарные оппозиции становятся более характерными в Московском тексте XX века, когда он сближается с Петербургским на почве введения эсхатологических мотивов и разработки сотериологического мифа» (С. 19). Таким образом, автор работы презентует собственное видение отличительных признаков Московского текста и формирует матрицу собственного исследования: именно в соотношении со сформулированными свойствами Московского текста и будет рассмотрена мифопоэтика образа Москвы в романе «Доктор Живаго». Думается, в определенной степени для романа Пастернака с его разветвленной системой вторичных культурных мифов Московский текст, созданный писателями-предшественниками, является одним из мощных текстопорождающих факторов, предметом художественной рефлексии и творческого диалога.

Очень интересен, на наш взгляд, параграф **«Биографические и эстетические истоки Московского текста в творчестве Б. Пастернака»**, в котором личная и творческая биография Б.Л. Пастернака не просто рассматривается через призму «московского сюжета» его поэзии и прозы, но анализируются истоки урбанистического мышления поэта, обуславливаемые и близостью его поэтического мира русским футуристам с их яркими урбанистическими мотивами, и увлеченностью Б.Л. Пастернака поэзией русских символистов (В. Брюсова, А. Блока), также работавших с городской мифологией. Тем самым, Московский текст романа оказывается,

метафорически выражаясь, частью так и ненаписанного Юрием Живаго «доклада о Блоке», то есть, формой воссоздания художественного мировоззрения эпохи рубежа веков, принципиально важной для проблематики и поэтики романа.

Специфика пространственного измерения Московского текста проанализирована в параграфах **«Московские главы и парадигма города»** и **«Система топосов как средство создания многообразия и единства городского пространства»**. Обратим внимание на то, что, хотя понятие «топос» имеет в гуманитаристике достаточно широкую семантику и не всегда ассоциируется с конкретной географической территорией, применение данного понятия в пространственном контексте обосновано автором работы и не вызывает дополнительных вопросов.

Реальные разрозненные городские топонимы, по мысли автора диссертации, образуют в романе единое органическое целое – собственный авторский миф о «вечном городе», его истории, переживаемом им революционном кризисе и о надежде на возрождение. Евангельские мотивы, пронизывающие поэтику «Доктора Живаго», сочетаются с историческими аллюзиями, вводимыми названиями московских переулков, вокзалов, застав, которые, по мнению автора работы, обретают в романе характер «говорящих названий». Маршруты, по которым движутся персонажи романа, ключевые точки города (Камергерский переулок, Мучной городок и др.) формируют в романе единый внутренний городской сюжет, связанный с магистральной пастернаковской идеей преодоления разобщенности, превращения хаоса в упорядоченный космос, смерти – во второе рождение.

Особенно важной кажется нам мысль автора работы о возможном сближении в романе «Доктор Живаго» Московского и Петербургского текстов: «Так Б. Пастернак творчески разрабатывает традиционный миф о вечном городе, переживающем ситуацию катастрофы, цивилизационного сдвига. В этом отношении «Московский текст» Пастернака сближается с Петербургским и характерной для него идеей жизни «над бездной» и поисками путей спасения. Москва в «Докторе Живаго» теряет традиционную для Московского текста устойчивость и вступает в кризисную ситуацию, трижды оказывается перед угрозой падения» (С. 38). Этот вывод, в частности, позволяет по-новому осмыслить блоковскую традицию в пастернаковском тексте, сопоставив образы метельных революционных городов в поэме «Двенадцать» и в романе «Доктор Живаго». Забегая вперед, укажем, что данное сопоставление будет продуктивно рассмотрено в работе на стр. 66-69 в рамках параграфа «Новый Вавилон. Трансформация мифологической парадигмы. Авторский миф о Ледяном городе». Помимо этого, мы можем утверждать, что таким образом Пастернак воссоздает в своем романе некий обобщенный архетип городского текста и мифа о городе, соединяющим в себе как черты реальных русских городов, так и мифологических Вавилона и града Китежа. В этом отношении вызывает сожаление то обстоятельство, что в диссертации не упоминается второе значимое городское пространство романа –

вымышленный (мифологический) Юртин, часть «уральского текста» русской литературы. Мы сознаем, что заявленная тема работы посвящена только Московскому тексту, но, думается, сопоставление способно было бы украсить работу и уточнить ее выводы.

Во второй главе «Мифопоэтические аспекты романа «Доктор Живаго». Городские мифы» автор диссертации рассматривает три основных мифопоэтических сюжета романа, связанных с образом Москвы. Это образ Вавилона – Ледяного города предреволюционной эпохи, образ «гибнущего города» революционного периода и «Москву эпохи Москвошвея», раннесоветский город. Рассмотренные последовательно, эти мифы образуют своего рода символическую триаду, отражающую, по мысли автора работы, основную сотериологическую мифологему романа – идею жертвенной смерти-возрождения: «Явившись на страницы романа Городом-Домом, превратившись в Ледяной город, который преображается силой любви, а затем под ударами Судьбы превращается в Град обреченный, гибнущий город, в котором герою удастся найти свой град Китеж. Так миф о гибели города превращается Пастернаком в сотериологический миф – миф об искуплении и спасении» (С. 97).

Автор диссертации анализирует систему мифопоэтических мотивов, которые образуют в тексте собственную повествовательную линию: от льда и метели, ассоциирующихся с революцией, выстрелом Лары в Комаровского, но одновременно – и с православным снежным Рождеством, со свечой из знаменитого стихотворения Юрия Живаго, которые способны согреть пространство любовью и жертвенностью, истинный Город – подобно граду Китежу – в разгул бесовщины погружается в инобытие, скрывается под слоем снега, избегая таким образом осквернения и окончательного уничтожения («это город, не давший оснований для наказания, играет роль страстотерпца, ввергнутого в пучину цивилизационной катастрофы, роль обреченного города» С. 85), чтобы затем буквально «задушить» героя летней жарой и отсутствием свободы в конце 1920-х годов (в единый антиномичный комплекс соединяются мотивы замерзшей воды (снега, льда, метели) и карающего солнца (жара и духота)). Однако, как тонко подмечает автор диссертации, прозаический текст романа заканчивается панорамой города, над которым звучат стихи Юрия Живаго, метафорически свидетельствуя о победе над временем, пространством, смертью: «Своеобразие авторской (пастернаковской) модели «Московского текста» в той роли, которая отведена в романном противостоянии Добра и Зла, Холода и Тепла - личности, личности творца, Творческому Дару» (С. 95-96). Тем самым, миф о городе оказывается одним из принципиальных художественных измерений романа, символической иллюстрацией идей творческого преображения бытия, примирения и спасения страны, нации, Москвы как ее воплощения.

Здесь мы должны подробно остановиться на таком устойчивом топосе Московского текста, как образ сторающего и возрождающегося города. В своей работе Чаглыян Шакар Кюбра противопоставляет Петербургский и

Московский текст в частности по категории наличия/отсутствия этиологической легенды (мифа о создании города). Действительно, возникновение Москвы не имеет такого яркого легендарного сюжета, как, например, основание Петербурга (или Киева, Ярославля и т.д.) Но нигде в работе Чаглыян Шакар Кюбра не упоминает о существовании эсхатологического мифа о гибели Москвы от огня, пожара – аналогичного мифу о гибели Петербурга от наводнения. Наиболее известен московский эсхатологический миф по роману М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», но он фиксируется и в основополагающих для Московского текста произведениях XIX века – в «Евгении Онегине» А.С. Пушкина, в «Войне и мире» Л.Н. Толстого, а потому игнорирование этого мифа кажется нам существенным упущением, допущенным в работе. Но при этом во второй главе Чаглыян Шакар Кюбра фактически анализирует пастернаковскую авторскую вариацию московского эсхатологического мифа, чем, на наш взгляд, восполняет допущенную оплошность. В частности, справедливо сопоставляя образ ледяной, замерзающей Москвы с Петербургским текстом, в котором именно вода (в данном случае – лед и снег) грозят городу уничтожением, Чаглыян Шакар Кюбра обозначает и круг мотивов, явно связанных с огнем, с очистительным пламенем, очень характерным для Московского текста: «Но выстрел, прогремевший в душе Лары, бредущей по пустынным улицам с пистолетом в кармане в дом Комаровского, который олицетворяет для нее бесовский Вавилон, служит знаком кипящей подо льдом лавы страстей, готовых превратить «лед» в очистительный огонь возмездия» (С. 66). Становится понятным, что мифологический московский пожар, который на протяжении всей городской истории служит средством обновления и возрождения, представлен и в пастернаковском тексте, только в закодированном виде – он становится в один ряд с образами выстрелов, революции, возмездия, но, как справедливо и доказательно показывает автор диссертации, Пастернак, имея в виду этот аспект Московского текста (мы на этом настаиваем), создает свою вариацию мифа, основанную не на возмездии, но на милосердии. И в этом отношении мы приветствуем сделанные автором работы наблюдения и выводы, поскольку они существенным образом уточняют контуры Московского текста в прозе XX века.

Достоверность и обоснованность результатов исследования. Основные поднимаемые в диссертационном исследовании проблемы сформулированы в пункте положений, выносимых на защиту, которые в полной мере отражают научные идеи автора (С. 5-6). В работе на основе грамотного филологического анализа заявленного текста последовательно обоснованы указанные положения, с использованием адекватной научной методологии решена главная цель и задачи исследования. Достоверность исследования и обоснованность полученных выводов подтверждаются методологией, адекватной исследуемому материалу, и позволившей построить научно достоверную и значимую концепцию Московского текста

в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго».

Значимость для науки и практики полученных автором результатов. Работа обладает продуманным научно-теоретическим аппаратом исследования, использует актуальную филологическую методологию, имеет научную новизну, теоретическую и практическую значимость для истории русской литературы XX века и теории литературы (проблема реализации Московского текста в прозе Б.Л. Пастернака). Научные наблюдения и полученные в исследовании выводы имеют большое значение для изучения русской литературы XX века, мифопоэтики творчества Б.Л. Пастернака, особенностей функционирования и эволюции Московского текста в произведениях XX века. Само понятие и структура Московского текста в литературе получает в работе новую уточняющую интерпретацию.

Научная новизна и теоретическая значимость исследования заключаются в том, что:

- уточнено понятие «Московского текста» и его конкретных вариантов в прозе XX века, обоснована мифопоэтическая природа Московского текста в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго»;
- выявлена система мифопоэтических лейтмотивов и антиномий, создающая в романе особую структуру Московского текста, раскрыт сюжетообразующий характер Московского текста в романе;
- мифопоэтическая методология изучения Московского текста в романе позволила определить его роль и функции в ключевом для романа сотериологическом мифе, связать Московский текст с пастернаковской философией творчества и преображения бытия.

Результаты исследования могут быть использованы для создания вузовского курса «История русской литературы XX века», при подготовке вузовских модулей и школьных факультативов по проблемам творчества Б.Л. Пастернака, городского текста в русской литературе XIX-XXI веков, мифопоэтике русской прозы XIX-XXI веков.

Недостатки работы.

При общем положительном впечатлении от работы мы должны отметить, что она, к сожалению, не свободна от некоторых недостатков, которые, с нашей точки зрения, не носят принципиального характера и не снижают теоретическую и практическую значимость диссертационного исследования:

1. Подробно разбирая те литературные аллюзии, которые участвуют в создании образа метели в романе «Доктор Живаго» (С.71-83), автор диссертации даже не упоминает и, соответственно, не комментирует возможную реминисцентность этого образа по отношению к поэме А.А. Блока «Двенадцать» и к знаменитой формуле Б.А. Пильняка из романа

«Голый год»: «Россия. Революция. Метель». Думается, подобные параллели дополнили бы выводы работы.

2. Для полноты раскрытие образа Москвы в судьбе Юрия Живаго в диссертации, с нашей точки зрения, не хватает анализа связи этого персонажа и известного мифологического покровителя города – Святого Георгия, тем более, что центральное стихотворение цикла живаговских стихов «Сказка» представляет собой вольную авторскую интерпретацию популярного сюжета Чуда Св. Георгия о змие и девице. Подчеркнем, что в работе присутствует прекрасный фрагмент о близости образа Живаго фигуре Св. Франциска Ассизского (С. 83-86), но это не отменяет необходимости проанализировать или хотя бы обозначить наличие георгианского сюжета в романе.
3. Автор диссертации иногда позволяет себе фактические неточности и немотивированные оценочные суждения. Например, на стр. 82 события православного праздника Покрова Святой Богородицы неправомерно названы «евангельским текстом», а описание революционной Москвы 1905 года названо «маловыразительным» (С. 41: «Эта часть городского пространства, точнее – мира Москвы 1905 года, художественно маловыразительна»).

Вышесказанное, однако, не влияет на общую высокую оценку научной и практической значимости рецензируемой работы. Анализ текста диссертации позволяет утверждать, что автором выполнена самостоятельная, концептуальная научная работа, которая отвечает требованиям ВАК РФ.

По материалам диссертации опубликовано 6 статей. В автореферате и представленных публикациях отражено основное содержание диссертационного исследования.

Диссертация написана хорошим филологическим языком, её структура обусловлена логикой исследования, основные наблюдения и результаты не вызывают сомнений. Выводы соответствуют поставленным задачам.

Содержание автореферата соответствует содержанию диссертации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Диссертация **Чаглыян Шакар Кюбра** «**РОМАН Б.Л.ПАСТЕРНАКА «ДОКТОР ЖИВАГО» И ПРОБЛЕМА МОСКОВСКОГО ТЕКСТА**» представляет собой законченную концептуальную научно-исследовательскую квалификационную работу, имеющую значение для изучения русской литературы XX века и решающую актуальную научную проблему исследования Московского текста в русской прозе XX века, его мифопоэтической и философской семантики в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго». Работа **Чаглыян Шакар Кюбра** соответствует пунктам 9,10,11,13,14 «Положения о порядке присуждения учёных степеней», утверждённого Постановлением Правительства

Российской Федерации № 842 от 24.09.2013 года, предъявляемым к диссертациям на соискание учёной степени кандидата наук по специальностям 10.01.01 - русская литература, а Кюбра Чаглыян Шакар заслуживает присуждения учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01— русская литература.

Отзыв составлен доктором филологических наук, профессором Солдаткиной Яниной Викторовной и утверждён на заседании кафедры русской литературы Института филологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский педагогический государственный университет», протокол № 3 от 25 ноября 2016 г.

Проректор,
зав. кафедрой русской литературы
ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»
доктор филологических наук,
профессор Трубина Людмила Александровна
25 ноября 2016 г.

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Московский педагогический государственный университет»
199991, г. Москва, ул. М. Пироговская д.1, стр. 1.
+7(499)246-60-11.
www.mpgu.pf
E-mail: r@mpgu.edu

С основными публикациями профессорско-преподавательского состава кафедры русской литературы можно ознакомиться адресу [http://xn—с 1 arjr.xn—р 1 ai/ob-mpgu/ структура/faculties/institut-filologii-i-inostrannyihyazykov/filologicheskiy-fakultet/kafedryi/kafedra-russkoy-literaturyi/](http://xn--c1arjr.xn--p1ai/ob-mpgu/struktura/faculties/institut-filologii-i-inostrannyih-yazykov/filologicheskiy-fakultet/kafedryi/kafedra-russkoy-literaturyi/)

Список основных научных трудов Я.В. Солдаткиной за последние пять лет:

№	Название работы	Выходные данные
1.	Диалог с русской религиозной философией в прозе советской эпохи 1930-1950-х гг	Преподаватель XXI век, 2013. № 1. С.363-368.
2.	Философия русского религиозного ренессанса и потаенная проза советской эпохи («Счастливая Москва» А. П. Платонова и «Доктор Живаго» Б. Л. Пастернака)	Ярославский педагогический вестник, 2011, № 1. С. 205-211
3.	Мифопоэтика романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго»: культурно-историческое и универсальное	Вестник Московского государственного областного университета. Серия: русская филология, 2011, № 2, С. 117-122
4.	«Доктор Живаго» Б.Л. Пастернака: эпическое и мифопоэтическое в романе	Вестник РГГУ, 2011, № 7 (69), С. 181-188.
5.	Эпическое мышление в прозе 1930 - 1950-х гг.: мифопоэтический аспект	Известия Волгоградского государственного педагогического университета, 2011. № 2 (56), С. 117-120.

Работы других сотрудников кафедры русской литературы Института филологии ведущей организации Московского педагогического государственного университета, близкие теме защищаемой диссертации

№	Автор и название работы	Выходные данные
1.	Целкова Л.Н. Теория и практика русской революции и в изображении Б. Пастернака и В. Набокова	Русская словесность, 2014, № 4. С. 31-40.
2.	Чернышева Е.Г. По булгаковским местам Москвы	Москва литературная. Новейшая московская одиссея. М.: МПГУ, 2015. С. 278-283.
3.	Колядич Т.М. Пространственные мифологемы в романе «Москва Ква-Ква» В.Аксёнова	Polilog, 2014, №4. С. 155-167.
4.	Сапожков С.В. Прогулки по пушкинской Москве	Москва литературная. Новейшая московская одиссея. М.: МПГУ, 2015. С. 82-96.
5.	Пономарева Т.А. Религиозный вектор советской литературы	Проблемы фундаментальной подготовки в школе и в вузе в контексте современности. Ч. 2. Череповец, 2012. С. 77-82.
6	Арзамасцева И.Н. «Крымский текст» детской литературы: история и современность	Литература в школе, 2015, № 6. С. 4-7.